

НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР И ФИЛОСОФИЯ СОМНЕНИЯ В РАБОТАХ Л. М. ЛОПАТИНА

УДК 1 (091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-6-11>

Е. Е. Михайлова

Тверской государственный технический университет,
Тверь, Российская Федерация
e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Аннотация: Исследована роль сомнения в нравственном выборе человека, выявлена в сочинениях Л.М. Лопатина – русского мыслителя, представителя философского персонализма, профессора Московского университета. Для обоснованного начала разговора о соотношении нравственного выбора и сомнения в философии Лопатина проанализирована триада взаимосвязанных между собой авторских понятий – механическая и творческая причинность, философское сомнение и нравственная свобода. В качестве обобщения выявлена и проведена символическая «дорожка» этических рассуждений Лопатина: нравственный выбор – сомнение – чувство ответственности – благая воля. Сделан вывод о том, что в рассуждениях Лопатина выбор совершается, как правило, в противоречивой ситуации, когда самодеятельный человек стремится принять свое собственное решение. В отличие от постулатов философии существования Канта, нравственный выбор у Лопатина носит субъективный характер и может резонировать в диаметрально противоположном регистре: сознательность – неосознанность, добро – зло, здравый смысл – чувственное желание; польза – выгода и т. д. Момент выбора всегда сопряжен с сомнением, проявляющимся в триединстве форм – эмоциональной, смысловой и волевой. Сомнение порождает напряженное ощущение ответственности за выраженную мысль или произведенное действие и способствует созидающей деятельности, руководимой благой волей.

Ключевые слова: Л. М. Лопатин, культура, русская философия, нравственный выбор, сомнение.

Для цитирования: Михайлова Е. Е. Нравственный выбор и философия сомнения в работах Л. М. Лопатина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №4 (114). С. 6–11. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-6-11>

MORAL CHOICE AND PHILOSOPHY OF DOUBT IN L. M. LOPATIN

Elena E. Mikhailova

Tver State Technical University,
Tver, Russian Federation
e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

МИХАЙЛОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии, Тверской государственный технический университет

MIKHAILOVA ELENA EVGENEVNA – DSc in Philosophy, Professor, Professor at the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University

© Михайлова Е. Е., 2023

Abstract: The article discusses the role of doubt in the moral choice of a person, revealed in the writings of L.M. Lopatin – Russian thinker, representative of philosophical personalism, professor at Moscow University. For a reasonable start of a conversation about the relationship between moral choice and doubt in Lopatin's philosophy, a triad of interconnected author's concepts is analyzed – mechanical and creative causality, philosophical doubt and moral freedom. As a generalization, a symbolic “path” of Lopatin's ethical reasoning was identified and carried out: moral choice – doubt – a sense of responsibility – good will. It is concluded that in Lopatin's reasoning, the choice is made, as a rule, in a contradictory situation, when an independent person seeks to make his own decision. Unlike the postulates of Kant's philosophy of duty, Lopatin's moral choice is subjective and can resonate in a diametrically opposite register: consciousness – unconsciousness, good – evil, common sense - sensual desire; benefit – benefit, etc. The moment of choice is always associated with doubt, manifested in the trinity of forms – emotional, semantic and volitional. Doubt gives rise to a tense sense of responsibility for the expressed thought or action and promotes creative activity guided by good will.

Keywords: L.M. Lopatin, culture, Russian philosophy, moral choice, doubt.

For citation: Mikhailova E. E. Moral choice and philosophy of doubt in L. M. Lopatin. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 4 (114), pp. 6–11. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-6-11>

Попытка этического измерения человека берет свое начало в философии Аристотеля, который воспринял мораль как определяющее качество души человека. Спустя много веков тема нравственного выбора нашла свою расшифровку сквозь персоналистскую призму творчества Л. М. Лопатина.

Лев Михайлович Лопатин – русский религиозный мыслитель, представитель философии персонализма, профессор Московского университета рубежа XIX–XX веков. В философском и культурологическом аспекте имеет ценность его концепция творческой причинности [1, с. 619]. В психологической сфере Лопатин известен как создатель концепции познающего Я в дилемме существования «сверхвременной – временной» субстанции, согласно которой «временные процессы возможны только как творение сверхвременной субстанции» [8, с. 211]. В своих сочинениях и лекциях Лопатин поднимает широкий диапазон антропологических проблем: понятие причинности, механической и творческой; философское сомнение; соотношение математики, в частности, Канта и метафизики; творческая реальность; свобода и необходимость; психические процессы и самоидентичность; самодействительность человека; нравственная свобода личности и другие [2], [3], [9], [10], [11].

Цель статьи – рассмотреть философско-этические воззрения Л. М. Лопатина (1855–1920), в частности, природу сомнения, вызванного нравственным выбором человека. При обозначенных обстоятельствах непосредственно следует оговорить тот момент, что этический посыл Лопатина в данной статье рассмотрен как общечеловеческая ценность, одинаково важная для людей, живущих и в научном, и в религиозном пространстве. При этом автор данной статьи полностью доверяет компетенциям специалистов, занимающихся христианскими воззрениями Лопатина, и признает их суждения достаточно обоснованными и достоверными [12].

По словам философа В. В. Зеньковского, автора фундаментального труда «История русской философии» (1948), этическая установка Лопатина оказывает ключевое воздействие на его подход к решению основных философских проблем» [1, с. 624]. Поэтому видится уместным для углубления в этическую составляющую учения Лопатина обрисовать триаду взаимосвязанных между собой авторских понятия, а именно: механическая и творческая причинность, философское сомнение и нравственная свобода.

Механическая и творческая причинность. Лопатин, по своему собственному признанию,

держался убеждения, согласно которому вопрос о природе свободы воли есть вопрос не только метафизический, но и психологический. В его сочинениях говорится о «сверхпространственном и сверхвременном самоопределении нашего умопостигаемого существа, и о коренных особенностях во внутреннем течении явлений нашей психической жизни» [6, с. 322]. Думать, что наше Я получает способность направлять свои действия не по произволу, а по собственной воле, означает думать упрощенно.

В идеино-теоретической конструкции Лопатина косный материальный мир и подвижный свободный дух находятся в постоянном противостоянии друг другу, поскольку обусловлены они разными причинами: материальный мир – механическими, свободный дух – творческими. Человек находится на пересечении этих миров, поэтому в целостности всех своих образов и представлений он выступает чувствующим, волевым, мыслящим, познающим, действующим. Жизнь человека соткана из многообразных механических и психических актов, они играют – каждый – свою роль и важны по-своему. Механические акты значимы в силу естественности жизненных проявлений и остаются неизменными по своим качествам. Психические акты важны субстанциональной мощью духа человека. Вызванные ими следствия способны порождать новое качество проявления жизни, раскрывать «потенциал внутренней силы или субстанции, лежащей в данной череде явлений» [6, с. 222].

Многообразный поток психологических актов, в замыслах Лопатина, порождает причинность иного рода – творческую. Творческая причинность – это не предустановленный природой, роком или случаем порядок, это не состояние деятельного человека, способного закрепить свои предыдущие достижения. Творческая причинность – это внутренне развивающееся состояние, «непосредственное выражение субстанциональной силы», где предшествующие чувства, мысли и действия человека служат не причиной, а поводом или точкой роста для дальнейших переживаний и деятельностных усилий. Приведенной цепочкой рассуждений

и объясняются слова Лопатина: «Для меня нравственная свобода человеческой воли есть только одно из проявлений (хотя бесспорно самое высшее) силы творчества, присущей всему духовному» [6, с. 322–323].

Философское сомнение. Лопатин справедливо отмечает, что со временем, когда в философии пробивалась струя скептицизма (школа скептиков, картезианская эпоха), рациональное знание было сопряжено с сомнением, возникающим в ситуации неподтверждаемости доказательств. По наблюдениям русского философа, сомнение сквозь века формировалось в интеллектуальных головах в двух видах: принципиальное недоверие к самому процессу мышления [как здесь не вспомнить слова Ф. Бекона о том, что человеческий разум – это «кривое зеркало» – Е.М.] и отрицание права разума, ограничение признания его возможностей в силу логических соображений.

Первую форму сомнения Лопатин называет «патологической», отрицающей все разумные доводы и все возражения, несущие на себе печать мысли, как это сложилось в свое время у скептиков. Вторую форму сомнения он признает продуктивной, но не лишенной ограничений, ибо логика не всесильна. «Разум должен оправдывать себя перед самим собою, – только тогда продукты его творчества получат подлинную логическую цену», – пишет Лопатин [6, с. 29]. Здесь возникают два вопроса, вытекающих один из другого. Первый – что значит «оправдывать» самого себя? Второй – как «выявить», что эти представления ложны? На первый вопрос Лопатин отвечает так: оправдывать означает удалить возможные проявления субъективного самообмана. Ответ на второй вопрос звучит так: факт заблуждения можно выявить только с помощью логики. Вследствие именно таких рассуждений Лопатина философия в своих усилиях устранить разлад ума с самим с собой оказывается далеко не всесильной. Со временем Декарта философское сомнение – это в первую очередь деятельность ума. В интересах достоверности «все сомнительное должно быть совсем отброшено», – так Лопатин характеризует предварительную процедуру очищения от предвзятого,

придуманную Декартом [5, с. 78]. Соглашаясь с ней, в своих рассуждениях русский персоналист идет дальше. В его воззрениях духовность человека гораздо шире: помимо проявлений временной субстанции (чувства, мышление, воля), она представляет собой творение сверхчувственной и сверхвременной субстанции, подобно ноуменам Канта.

Гносеология Канта Лопатиным оценивается высоко. Кант творил в эпоху брожения мысли, поэтому колебания относительно признания всесильности разума настигли многих, включая Декарта, коснулись и его. Однако его сомнение не разрушило веру в разум. «Для него [для Канта – Е.М.], как для Декарта, – пишет Лопатин, – неудача рационализма в прошлом была только доказательством того, что разум неверно понимал свои задачи и назначение» [7, с. 59]. Кант пошел дальше Декарта, противопоставив притязательности картезианского догматизма свою критическую философию [5, с. 70]. Он выдвинул оригинальную идею о том, что познаваемый мир – это далеко не весь мир, он даже не настоящий, он есть только представление человека. Комментируя тезис Канта, Лопатин отождествляет процесс познания мира с собственно созданием оного. Именно так человеческий разум получает свое творческое, «самозаконное» начало.

Лопатин и дальше движется вместе с немецким философом, признавая, что универсальность и автономность разума «работает» не только в гносеологии, но и в нравственной сфере [7, с. 59]. В религии разум внушает понимание жизни, согласованное с высшими ценностями; в искусстве – безотчетно присутствует в субъективном творчестве художника, осознанно или бессознательно реализующего нормы прекрасного; в повседневной жизни автономность разума проявляется в моральном выборе. Однако, на взгляд Лопатина, Кант не пошел дальше обоснования сути природы, ее физических и математических начал. Как сторонник персонализма, Лопатин дает конструктивно-критическую оценку кантовской философии долженствования: «Кроме физической природы, нашему опыту дана наша собственная

душевная жизнь, дана история человечества, даны бесконечно разнообразные проявления духовного творчества» [7, с. 67]. Поэтому сформулированный Кантом нравственный императив долженствования в этике Лопатина трансформируется в понятие персонального выбора.

Нравственная свобода. Начиная разговор о нравственной свободе личности, Лопатин отталкивается от популярной в его время теории «безразличного произвола» как элемента договорного выстраивания общественных отношений. В сжатом виде суть этой теории заключается в следующем: каждый осознанно живущий человек свободен в любой момент поступать прямо противоположным образом. Критикуя такую позицию, Лопатин считает, что она опасна тем, что идет против логики и претит нравственному чувству. Первая опасность – нарушение логики – заключается в том, что две первые перцепции исключают третью, т. е. свободы и ощущение самости, как субъективные впечатления личности, исключают адекватное понимание действия, которое можно оценить в неимоверно широкой амплитуде – «от величайшего зла до величайшего добра». Вторая опасность – потворствовать своему нравственному выбору – означает снять с себя, как с человека, понимающего и действующего осознанно, напряженное ощущение ответственности [6, с. 357].

В размышлениях Лопатина нравственная свобода – это состояние человека, обусловленное необходимыми мотивами, которые действуют не сами по себе, а через механизм воли. Уникальность человека заключается в том, что ему имманентно присуще внутреннее последовательное желание совершенствовать настоящее и перенастраивать свои мысли и действия. Лопатину пришла по нраву мысль Канта о свободе как внутренней ценности. Немецкий философ связывал свободу с «обязанностью перед самим собой» в ее двойном смысле: во-первых, быть способным к соблюдению всех моральных обязанностей, во-вторых, быть бдительным и не впадать в фантомы и воображения, а неустанно заниматься самопроверкой и самоизучением [4, с. 125–126].

Для сторонников свободы воли, по мнению Лопатина, важна субъектная природа перестановки мотивов. Предвещая упреки adeptов свободы воли, он подчеркивает, что именно человек совершает перестановку мотивов – подлинным усилием своей воли, новым актом своей духовной жизни. В чувствованиях, побуждениях, интересах человека всегда присутствует активный элемент. И эта деятельная сила, по Лопатину, есть воля. Воля взаимосвязана с представлениями – объективными или интуитивными моментами восприятия в виде образов, фантазий или идей. В этом синтезе воля олицетворяет власть, готовность к действию, а представления – понимание, смысл; и вместе они персонифицируются во внутреннем опыте человека [6, с. 151].

Как и Кант, Лопатин связывает понятие нравственности с идеей свободы. Однако связка этих понятий у него выходит иная. Говоря о нравственных императивах, немецкий философ задавался вопросом: «Но почему же я должен подчиняться этому принципу, и притом как разумное существо вообще, стало быть, точно так же и все другие существа, наделенные разумом?» [4, с. 271]. И сам же отвечал, что объективно существует «долженствование», которому следует разумный человек, т. е. «обязательность морального закона» [4, с. 272]. Из ответа Канта видно, что нравственный выбор заключается в том, чтобы остановиться на альтернативе «правильной необходимости», на признании «долженствования».

У Лопатина ответ выглядит иным образом. Он считает, что никакой обязательный интерес не может быть побудительным основанием для морального выбора. Только «положительное условие нравственной свободы» дает человеку возможность примкнуть к миру добра или зла, принести пользу себе и другим или получить выгоду только для себя. Только свободно мыслящий и действующий человек способен сбалансировать свои противоположные влечения и нести ответственность за то, какой выбор им сделан [6, с. 369].

Сомнение, проявляющееся в момент морального выбора в своей рациональной, чувственной или волевой природе, способно

стимулировать «нравственный переворот» в человеке. Нравственный переворот, в отличие от выбора, – это серьезный процесс перерождения личности. Выбор предполагает переход из-под одной власти своей природы под другую; выбор может быть чувственным, интеллектуальным или волевым; выбор осуществляется неоднократно и предполагает корректировку стремлений человека. Нравственный переворот аккумулирует потенциал всех жизненных сил человека, расставляет акценты Лопатин. И характеризует его как напряжение творческой мозы, с которым не сравнится никакая другая форма творчества [6, с. 374]. Содержательно, считает Лопатин, для нравственного преобразования нужны веские основания, а темпорально – иногда целая жизнь. В отличие от выбора, нравственный переворот совершается раз и навсегда. Он не имеет обратного хода, не может быть переигран заново в связи с открывшимися новыми потребностями человека.

От себя заметим, что такие внешне притягательные рассуждения обесцениваются словосочетанием «раз и навсегда». Для свойственного Лопатину утонченного хода мысли это звучит излишне категорично.

В качестве обобщения разговора о соотношении нравственного выбора и сомнения в философии Лопатина выведем символическую «дорожку» его рассуждений. Моральный выбор – это самостоятельный переход человека из-под власти одних своих представлений во власть других. Выбор совершается, как правило, в противоречивой ситуации, когда самодеятельностный человек стремится принять собственное решение. Лопатин нюансирует нравственный выбор. С психологической точки зрения он может иметь резонанс, так как в сознании человека укоренены противоречивые стремления. Поэтому человек может стремиться к разному: достичь морального образа мысли и действия; отказаться от искушения; следовать здравому смыслу; желать получить пользу или принести ее другому и т. д.

Момент выбора всегда сопряжен с сомнением, проявляющимся в триединстве форм – чувств, мышления и воли. Сомнение порож-

дает напряженное ощущение ответственности за сформулированную мысль или осуществленное действие. Ощущение ответственности приводит к новому пониманию и пересмотру сделанного выбора. Творческая причинность, на которую способен человек, может вдохновить его на нравственный переворот. По замыслу Лопатина, нравственный выбор можно «переиграть», выстроить по-другому. Но это становится исключительно невозможным, когда речь идет о свершившемся единожды нравственном перевороте. Таким образом, Ло-

патин обогащает проблематику нравственного выбора путем актуализации синтеза рационального и нравственного (Сократ, Декарт) и персонализации понятия долга (И. Кант). Если Кант пытался изобразить формы и законы разума как некоторую фатальную власть, то в контексте философии персонализма, нравственный выбор предстает по-новому. У Лопатина мы видим, что чувства и разум организуют действие, а сомнение – корректирует результат, представляет процесс поиска истины (гносеология) и нравственный выбор (этика) как личностное проживание.

Список литературы

1. Зеньковский В. В. История русской философии. Москва: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
2. Демин И. В. Понятие «научное мировоззрение» в русской философии первой четверти XX века (на материале работ В. И. Вернадского и Л. М. Лопатина) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1. С. 101–113.
3. Доброхотов А. Л. Эгология Л. М. Лопатина в контексте спора с В. С. Соловьевым // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. № 88. С. 45–59.
4. Кант И. Лекции по этике / пер. с нем. А. К. Судакова, В. В. Крыловой; общ. ред., сост. и вступ. ст. А. А. Гусейнова. Москва: Республика, 2000. 431 с.
5. Лопатин Л. М. Лекции по истории новой философии. Изд. 2-е, испр. Москва: КомКнига, 2007. 264 с.
6. Лопатин Л. М. Положительные задачи философии. Закон причинной связи как основа умозрительного знания действительности. Москва: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
7. Лопатин Л. М. Философские характеристики и речи / вступ. ст. В. В. Зеньковского; послесл. В. В. Рубцов, А. Д. Червяков. Москва: Academia, 1995. 328 с.
8. Лосский Н. О. Русские персоналисты. Л. М. Лопатин // Н. О. Лосский. История русской философии. Москва: Академический проспект, 2007. С. 207–213.
9. Серова О. Е. Творческая реальность душевного мира: психологическое учение Л. М. Лопатина // The Scientific Heritage. 2021. № 4 (64). С. 47–52.
10. Суродейкина Л. А. Основные идеи свободы воли в философии Л. М. Лопатина и их предпосылки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2007. № 2. С. 110–117.
11. Суродейкина Л. А. Проблема взаимосвязи познания и свободы воли в философии Л. М. Лопатина: дисс. ... кандидата философских наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2010. 172 с.
12. Троицкий И. В. Вопросы антропологии в философских произведениях Л. М. Лопатина // Святитель Феофан Затворник – основатель христианской психологии: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: РХГА, 2018. С. 77–87.

*

Поступила в редакцию 18.06.2023